

ЧАСТНЫЙ КАПИТАЛ БАШКИРИИ В ЭПОХУ НЭПА: «ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ СОВЕТСКИМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕМ В ПРОВИНЦИИ»

© Р. А. Хазиев

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

Тел./факс: +7(347) 273 67 78.

Email: khazievra@mail.ru

Статья посвящена деятельности частного капитала в одном из крупных национальных регионов России – Башкирии в эпоху нэпа, не получившей всестороннего рассмотрения в отечественной и зарубежной историографии. Автор анализирует причины, побудившие большевиков отказаться от «истинного коммунизма» в пользу нэпа, решиться на социализацию советской экономической системы, позволив индивидуалистические и капиталистические методы ведения бизнеса. Функционирование частного капитала в национальной республике явило пример правильности гипотезы, до этого времени не апробированной, о том, что две экономические системы («истинный коммунизм» и нэп), которые в теории были безнадежно разделены, на практике доказывали свою полную совместимость. Преимущественно опираясь на архивные материалы, автор статьи делает вывод о том, что частный капитал поднял голову и даже процветал под опекой бюрократии, которая попеременно используя кнут и пряник, постоянно колебалась между молчаливым согласием с фактом существования коммерсантов и их надзирающим регулированием. Однако постепенно вводились ограничения, и частные фирмы уничтожались возросшим налогообложением, дискриминационным кредитованием как по линии государственных банков, так и поставками товаров, получаемых только от государственных предприятий. Скоро стало понятно, что эти жесткие ограничения оказались недостаточными, чтобы удержать частных в очерченных границах. Несмотря на очевидные преследования, частники по-прежнему преуспевали, что и побудило государство в 1927 году начать политику репрессивного ниспровержения частного капитала. Большевики увидели в хозяйственном успехе частного капитала серьезную угрозу для текущего и будущего существования «социалистического сектора» советской экономики.

Ключевые слова: *частный капитал, торговля, предпринимательство, рынок, коммерция, нэпман.*

Новая экономическая политика, являясь особым периодом в истории советской России, неизменно остается в фокусе внимания новейшей отечественной и зарубежной историографии [1–8]. Неисчерпаемый интерес к теме во многом объясняется теми нестандартными шагами, которые были предприняты В. И. Лениным. Он и его политическая команда позволили практически нейтрализованному в период Гражданской войны элементам капитализма снова вернуться в Россию, тем самым запустив процесс развития нестандартных для «истинного коммунизма» социокультурных явлений, отчасти переформатировавших хозяйственное мироустройство страны Советов.

Одним из ключевых элементов периода нэпа стал, безусловно, не просто как таковой «частник», а воскресшая из небытия по воле партии новая социально-мобильная фигура, оказавшая существенное воздействие на возрождение, прежде всего, затухшей в период «военного коммунизма» экономической жизни советского государства. За последние десятилетия вышел целый ряд резонансных публикаций, в которых как в разрезе страны [9–19], так и отдельных регионов России [20–27], в той или иной степени анализировался культурный, социальный, морально-этический, хозяйственный и т.д. феномен нэпманов.

Однако эффект присутствия на советском пространстве «красных коммерсантов» и степень их воздействия на структурные преобразования экономики государства, происходившие в 1921–1929 гг. до конца не изучены. Поэтому цель нашей статьи состоит в том, чтобы максимально приблизиться, используя уникальные источники [28], к выяснению целевых установок, умонастроения, хозяйственного поведения региональных коммерсантов, а также преобладающей среди нэпманов Баш-

кирии тактики ведения бизнеса – «созидательно-долговечной» или «рваческо-сиюминутной». Решение поставленной задачи позволит получить ответы на принципиально важные вопросы о инновационно-хозяйственном потенциале провинциальных коммерсантов, которые не в меньшей степени, чем их коллеги-нэпманы в Центре, определяли содержание, темп и направленность нэпманской «реконструкции» в тех рамках, что были приемлемы для советской власти.

Политический кризис, разразившийся весной 1921 г. и нещадно душивший страну хозяйственный коллапс, заставили верхушку ЦК РКП(б) окончательно осознать, что если не принять экстренных мер, то однопартийная диктатура может безвозвратно погибнуть. К окончанию Гражданской войны стало очевидным, что Советскому правительству неоткуда больше брать ресурсы для содержания страны и нечем оплачивать «счета» своих сторонников, подпитывать лояльность сочувствующих, не говоря уже о попутчиках.

Чекисты, отслеживая общественное мнение в стране, передавали государственным органам все более тревожную информацию о резком всплеске антисоветских настроений даже внутри РКП(б). В начале июля 1921 г. отдел военной цензуры Уфимской губернской ЧК перехватил письмо необнаруженного «клеветника» из числа членов партии. В глазах партийца, прошедшего царские застенки и тюремные этапы, стоящие во главе государства коммунисты за очень короткий срок превратились из радетелей за народное благо в оторванную от жизни простых трудящихся барствующую элиту. Заглушив за неполные четыре года «совесть спиртом», лжекоммунисты, по мнению автора гневного послания, мало чем отличались от прежних губителей: «что делается в детских столовых, чем кормят детей и

что кушают дети господ комиссаров, мы это види[м], но не име[м] право сказать» [29].

Особенно бывшего политкаторжанина возмущали прикрывавшиеся «красными билетами» перерожденцы, посмеявшие «опухающего с голода обманутого крестьянина и рабочего ...арестов[ывать], лишить свободы ...за френч и галифе, за деликатесы» [30]. Этот сумбурный протест, больше похожий на стенания неудачника, которому, вполне вероятно, не удалось сделать парткарьеру, тем не менее, был знаменем времени. Вызов системе одиночек не был особенно опасен командно-административной машине, но в партии осознали слабость советского государства, которое могло в одиночку рухнуть от взрыва повсеместно тлеющего недовольства. Новая экономическая политика стала для большевиков спасительным выходом, предотвратившим общенациональный Кронштадт, который мог вызвать новую фазу Гражданской войны правительства со всеми слоями населения, с непредсказуемым для Советской власти исходом.

Для большевистского руководства, которое видело свое назначение в тотальном утверждении командно-административной системы управления народным хозяйством, частичное возвращение к рынку было настоящим социальным вызовом. Однако жизнь за кремлевскими стенами ежедневно доказывала, что плановому хозяйству как воздух необходима рыночная подпитка, когда форсированное огосударствление экономики ввергло страну в глубочайшую разруху: в большей части губерний и национальных образований свирепствовали тиф, катастрофический голод, ужасающей была детская беспризорность и т.д. В этих условиях даже заскорузлым коммунистам стало очевидно, что только предпринимательство и рынок могли спасти положение и нормализовать распределительные отношения в стране.

Разумеется, никто не подвергал сомнению, показавшую в 1917–1921 гг. свою неэффективность политэкономия социализма. Однако в Новую экономическую политику, позволяющую сохранить в нетронутом виде партийную вертикаль, заставили не только поверить, но и неукоснительно исполнять еще недавних ярых приверженцев военного коммунизма, разорявших после революции на хозяйственных фронтах ненавистных капиталистов, средних и малых сельскохозяйственных производителей-рыночников. Проповедники теории бестоварного социализма явно спасовали перед политической реальностью – нарастающим как снежный ком массовым недовольством населения. Достаточно точно общее настроение, царившее тогда в народе, передал неизвестный автор другого «антисоветского письма», перехваченного цензорами Уфгубчека 4 июля 1921 года: «положение ужасное, так и должно быть при революции. Погода власти хмурится, слышны далекие раскаты. Но ударит ли гром социальной революции, сказать трудно» [31].

После более чем трех с половиной лет неистового насаждения внеэкономических отношений и преследования классово-нетерпимых спекулянтов-мешочников, советская власть в целях самосохранения разрешила в 1921 г. частникам торгово-производственную деятельность. Коммерциализация отдельных сегментов народного хозяйства страны неизбежно вела к накоплению материальных ценностей, ресторанной праздности и купеческому расточительству части «красных нуворишей».

Однако наряду с поиском путей быстрого обогащения, веселой жизнью, кутежами нэпманов от «лихих

денег», живших по принципу «после нас, хоть потоп», реально опасаясь в один прекрасный день погибнуть от зависшего над ними дамоклова государственного меча, стяжательство в бизнесе, тем не менее, не стало повсеместно возжеланным объектом «красной буржуазии». Значительное число предпринимателей исповедовало трудовую мораль, не ориентированную исключительно на достижение личного благосостояния, позволявшего сполна удовлетворять любые прихоти коммерсантов и членов их семей. Часть прибыли «дельцы» вкладывали в обновление оборудования, создание благоприятной среды для развития бизнес-сообщества, расширение фирмы, выплачивали в виде различных компенсаций, единовременных вознаграждений и надбавок наемным работникам. Таким образом, кроме «светской жизни», у нэпманов были и тяжелые трудовые будни.

Среди зачинателей частного предпринимательства, организовавших фирмы «с начала Новой экономической политики» в столице Башкирии г. Уфе, значился обособившийся с конца 1922 г. в местном Гостином дворе шорник с дореволюционным стажем Колбенов Федор Иванович. Неизменно торгуя на протяжении более четырех лет изделиями из кожи, приобретая сырье «исключительно у местных кустарей», Ф. И. Колбенов не стал крупным нэпманом, постоянно «держал» торговый оборот до 6 тыс. рублей в месяц. Однако владелец одной из «лавок» торгового комплекса, расположенной на бойком месте в центре Уфы, избегающей излишнего внимания налоговых ревизоров, отслеживавших и моментально бравших на заметку «богатевших спекулянтов», вполне довольствовался своим стабильным материальным положением, позволявшим обеспечивать безбедное существование семьи [32]. Одним из первых, кто в том же 1922 г. отправился в независимое плавание и организовал частный бизнес, были проживавшие в Уфе братья Сергей и Николай Слободские. Через некоторое время основанное с нуля дело перешло в единоличное владение Сергея Слободского. Работая «исключительно на кредитах» и имея на 25 августа 1924 г. собственных «денежных средств» 309 рублей, Сергей Слободский, удачно сбывая галантерейные товары, сумел ко второй половине 1925 г. довести товарооборот фирмы до 24 тыс. рублей. Обладая репутацией кристально честного человека, который при кредиторской задолженности в 12 тыс. рублей «свои обязательства ...оправдывает в срок», предприниматель постоянно получал «под честное слово» товары от некоторых фирм из Москвы, а также Самарского и Московского отделений Госторга. Пользовался коммерсант особым «доверием и в местных торговых кругах», представляя интересы бизнес-сообщества в секции частной торговли Башкирской товарной биржи [33].

Быстро сумел сориентироваться в новых экономических условиях и «купец с дореволюционным стажем» Савельев Степан Федорович, владевший до октября 1917 г. в Уфе «несколькими домами, банями, имевший в центре города магазин готового платья, мануфактуры и обуви». В 1923 г. тридцатилетний С. Ф. Савельев, несмотря на свой молодой возраст, слыл среди уфимских торговцев хватким и умеющим делать деньги «старым и опытным коммерсантом». С. Ф. Савельев, как и все «нетрудовые элементы», пострадавшие от большевиков в период повальной национализации 1918–начала 1921 гг., не спешил вкладывать значительные суммы в знакомое и освоенное еще до революции дело – торговлю готовым платьем. В 1923 г. стартовый капитал С. Ф. Савельева составлял всего лишь 600 рублей. К декабрю 1925 г. осторожный предприниматель, хотя и заимел надежные

связи в Камвольном тресте, позволявшие поставить торговлю на «широкую ногу», но так и не решился «расширить бизнес». Предприниматель не сумел до конца преодолеть страх, приобретенный в «черную годину», перед вполне вероятным развязыванием государством очередной кампании по искоренению «временно выпущенных торговать» частных. Поэтому легальный месячный оборот С. Ф. Савельева никогда не превышал одной тысячи рублей, а учетных по накладным товаров не было на складе более чем на 400 рублей [34].

Недолго раздумывал, что делать в связи с начавшимся нэпом, бывший владелец «аптекарского магазина» фармацевт Хопянов Наум Аронович. Открыв в Уфе фирму по производству крема для обуви, синьки, чернил и штемпельной краски, Н. А. Хопянов к апрелю 1927 г. имел годовой оборот до 10 тыс. рублей. Продукция от «Н. А. Хопянова» благодаря ее «хорошему качеству» и отменному сырью, которое владелец мастерской приобретал в Москве, пользовалась постоянным спросом «у государственных, кооперативных, частных организаций и отдельных лиц» [35].

Снова, как и до революции, «рекой потекли клиенты» в кондитерский магазин Самуила Борисовича Арона, распахнувшего в первые месяцы нэпа свои двери в уфимском Гостином дворе. Набрав обороты, С. Б. Арон значительно расширил бизнес, «коробами продавая карамельно-пряничную продукцию преимущественно низкой кондиции, рассчитанную на крестьян». Инвестировав в «прибыльное дело» 12550 рублей и увеличив штат сотрудников до 8 человек, кондитер летом 1926 г. взял патент 4-го разряда. С. Б. Арон, о котором «в компетентных кругах ...отзывались как о хорошем коммерсante и расчетливом человеке», имевшем в двух банках и на паях с женой в ОВК «небывалый кредит» до 15 тысяч рублей, не ошибая в своих расчетах получения быстрой прибыли от вложенных личных и заемных средств.

В следующем операционном году, который длился с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г., в небольшой «кондитерской мастерской» С. Б. Арона произвели «10–12 вагонов» сладкой продукции, «уходившей прямо с колес». Надежным помощником предпринимателя была его супруга, которая, «руководя магазином», благополучно реализовывала, кроме собственно произведенных кондитерских изделий, бакалейные товары, закупаемые для продажи в Самаре, Саратове и Москве. Помимо дела, С. Б. Арон вкладывал средства и в недвижимость, являясь собственником одного дома и совладельцем второго, оцениваемых в 12 тысяч рублей.

Вывав патент 4-го разряда и, следовательно, попав на особый учет в финорганах, моментально ужесточивших налоговый прессинг, С. Б. Арон стал действовать еще более осмотрительно. Предприниматель, стремясь работать на опережение и не допустить разорения фирмы, начал постепенно изымать часть средств из бизнеса, используя их для выкупа «закладных векселей у нотариуса». Одновременно, стараясь воспользоваться буквально на глазах улетающей возможностью «напоследок сделать большие деньги», коммерсант вынашивал осенью 1927 г. планы существенно увеличить кондитерское производство, доведя количество наемных рабочих и служащих до 20 человек [36].

Непопулярным должжителем среди уфимских частных оказался мастер бондарных дел высочайшего уровня Курамшин Искандер Исмаилович, сумевший, вопреки множеству проверок, выстоять до конца 1920-х гг. «Бондарщик И. И. Курамшин» был редким специалистом, осваивавшим с 1904 г. по 1913 г. премудрости

своей профессии во Франции, Англии, Америке и других странах. Предприниматель, качественно изготавливая бондарные чаны и разной емкости бочки, мог значительно увеличить выработку постоянно пользовавшихся спросом изделий, но, «остерегаясь большого обложения, не стремился ...расширять дело». И. И. Курамшин, ожидая в любой момент наложения разорительных госплатежей, не превышал «по бумагам» годовой оборот свыше сорока тысяч рублей. «Хозяин мастерской», стараясь как можно реже осуществлять легко проверяемые безналичные банковские платежи, производил «закупку материалов и продажу изделий, ...главным образом, за наличный расчет». Коммерсант, предпочитая «займы частного характера», не доверял и Обществу взаимного кредита (ОВК), постоянно предоставлявшему налоговой инспекции информацию о размере ссуд, взятых предпринимателями для поддержания бизнеса [37].

Меньше повезло другому ветерану малого бизнеса в Уфе – Петросяну Павлу Артемьевичу, начавшему без всяких документов и разрешений еще в 1918 г. «подпольно» производить обувь. Владелец обувной мастерской, легализовавшись с началом нэпа, сумел освоить очень прибыльное для себя дело: пошив на заказ чувак (мягкой обуви без каблуков), которые сбывал кооперативным организациям. Работа по заключенным договорам оказалась столь доходной, что, несмотря на «мелочность дела», предприниматель попал в категорию высокоплатежных заемщиков, которых ОВК без колебаний обеспечивали ссудами. «Судный час» расплаты перед советским государством, наступивший в апреле 1927 г. в виде муниципализации добротного дома П. А. Петросяна, застрахованного на 7250 руб., тут же в четыре раза снизил кредитный рейтинг предпринимателя с 2500 руб. до 500 рублей. Резкое уменьшение суммы кредитования не могло не сказаться отрицательно на небольшом бизнесе и личном благосостоянии мирного и законопослушного «обувщика» [38].

С величайшей осторожностью вел начатое весной 1924 г. дело розничный торговец кожаными изделиями из Уфы И. И. Банников. Хотя через небольшой период времени И. И. Банников и стал считаться среди коммерсантов кредитоспособным торговцем, однако, «одно временно держа» в своем магазине незначительное число товаров «не более чем на 600–800 рублей, также явно не доверял большевикам, присматриваясь, всерьез и надолго ли Советская власть дала волю частнику [39].

Среди тех, кто с головой окунулся в коммерцию, оказались четыре компаньона: Валитов С., Багаутдинов Я., Багаутдинов Т. и Исанбаев Т., основавшие в 1924 г. фирму «Исанбаев Т. и К°», торговавшую галантереей в одном из просторных магазинов престижного в Уфе Гостиного двора. Деловые партнеры, имея опыт дореволюционной торговли и собранный в складчину капитал в 4 тысячи рублей, очень быстро «поставили дело на ноги». Коммерсанты, «аккуратно и своевременно» рассчитываясь по векселям, своей добросовестной работой добились полного доверия «серьезных поставщиков», постоянно выделявших достаточно большой товарный кредит на 12 тысяч рублей и высокого рейтинга в Госбанке, посчитавшего возможным выдать фирме «Исанбаев Т. и К°» денежную ссуду в размере 5–6 тысяч рублей [40].

Не менее предприимчивыми, чем конкуренты по торговому комплексу из магазина «Исанбаев Т. и К°», оказались, вполне прибыльно торгуя с 1923 года в Гостином дворе мануфактурными товарами, два брата Ахметзяновы: Хикматулла и Ахметхан. Не «рухнул» их

бизнес и после «выхода» из дела в июне 1925 г. «компаньона Валиева», забравшего существенную часть «своего капитала». Благодаря смекалке и инициативности, Ахметзяновы при «зарегистрированном» паевом капитале в 5 500 рублей и постоянно имевшемся запасе товаров на 4 тысяч рублей, так продуманно организовали торговлю, что сумели «завербовать большой контингент потребителей, преимущественно крестьян». Братья Ахметзяновы, не имевшие дореволюционного опыта торговли, завоевав репутацию людей, обладавших «благоприятными личными качествами», пользовались особым доверием Башторга, без опасения предоставлявшего фирме товарный кредит [41].

Сабитов Кашаф, начав в сентябре 1924 г. с мелко-лотовой торговли овощами, к апрелю 1926 г. уже арендовал площади в Гостином дворе, специализируясь на продаже разнообразных фруктов с месячным оборотом магазина 10 тыс. рублей и постоянным запасом скоропортящейся продукции на 5–8 тыс. рублей. Ради «увеличения прибыли», К. Сабитов и два его компаньона Абдрахманов и Шиганов, сохранив совладельческие патенты, переуступили летом 1926 г. бизнес более опытному и «оборотистому» Мухаметгалееву, который, внося в уставной капитал в 4 800 рублей, выбрал патент 4-го разряда [42].

Удачным было в 1924 г. начало у «торговцев изделия из кожи» Кулагина Павла Михайловича и его ближайшего родственника Кулагина Василия Никитича, «прибыточно торговавших» до весны 1927 г. в Гостином дворе, выбирая патент 3-го разряда и имея годовой оборот в пределах 24 тысяч рублей. Совладельцы, обладая «объявленным» капиталом в 2 тыс. рублей и работая в полном согласии, безраздельно доверяя друг другу подписание любых «обязательств от имени фирмы», в апреле 1927 г. столкнулись с серьезной проблемой, тормозившей поступательное развитие росшего как «на дрожжах» бизнеса. При отлаженных поставках товаров «от частников» и одной благоволившей к коммерсантам «государственной организации в Уфе», коммерческая деятельность Кулагиных административно ограничивалась невозможностью взять товарного кредита более чем на 2500 рублей и недостатком «собственных оборотных средств» [43].

Правительство, до поры до времени, терпя нэпманов, разрешало создавать им и объединения. Акционерные общества и товарищества, появившиеся на пике расцвета нэпа в 1925–1926 гг., символизировали не только достаточно сильно развитый среди коммерсантов 1920-х гг. дух корпоративизма. Частники, интегрируя капиталы, опыт и знания, выступали единой командой, чтобы добиться конкурентоспособности, максимальных успехов в получении прибыли, а также и с целью консолидированного отстаивания своих интересов, прежде всего, в различных государственных структурах.

Образование осенью 1926 г. шестью «воротилами уфимского бизнеса» Первого Акционерного общества не осталось без внимания компетентных органов, быстро собравших на бизнесменов оперативную информацию. Из нее следовало, что на авансцену хозяйственной деятельности вышли патриархи бизнес-производства и торговли, а также порожденные нэпом «красные купцы».

Наиболее колоритными фигурами, уважаемыми по возрасту и имевшемуся опыту, были два «бывалых бизнесмена». Это 65-тилетний владелец арендуемого с 1924 г. у Башсовнархоза кожевенного завода, а также одновременно собственник магазина Ягудин Сайфулла

Валеевич. Не менее известным крупным рыборотворцем в еще дореволюционной Уфе, а с началом нэпа «солидным оптовиком» по продаже рыбы и хлеба являлся 60-тилетний Катаев Александр Федорович. У обоих предпринимателей, которых характеризовали как «деловых коммерсантов», имелись существенные по тем временам «наличные капиталы» – около тридцати тысяч рублей. Компанию именитым купцам «старшего возраста» составили коммерсанты из поколения сорокалетних: Городецкий Константин, Губайдуллин Фатрахман, Фейгельсон Рувим и Мухаметзянов Мифтахудин. Каждый из них, за исключением Мухаметзянова Мифтахудина, «не имевшего ... самостоятельных денег», достиг ошутимого успеха в избранном виде бизнеса.

Городецкий Константин, также «в прошлом коммерсант», с 1922 г. обосновавшись на ниве хлебно-бакалейной торговли, «вложив в дело ... 30 тысяч рублей, ... содержал на станциях Давлеканово и Раевка ... заготовительные пункты». Дела у предпринимателя шли настолько хорошо, что банк без колебаний выдавал ему кредиты до 10 тысяч рублей. Помимо участия в «Первом АО», Городецкий К., несколько лет оставаясь в тени, негласно финансировал фирму «Волочнев Д.И и К°». Легализовал свой капитал коммерсант только тогда, когда фирма «Волочнев Д. И и К°» преобразовалась в товарищество, согласно заключенного между Катевым А. Ф., Городецким А. А., Волочневым Д. И. и Городецким К. А. договора, зарегистрированного Башнаркомвнуторгос 29 сентября 1926 г. Об уровне получаемых К. Городецким дивидендов, одновременно участвовавшим в нескольких коммерческих проектах и занимавшим важную должность председателя Уфимского общества взаимного кредита, говорило жилище нэпмана, которое при стоимости 10 тысяч рублей скорее можно было назвать усадьбой, чем просто домом [44].

Меньшим по размаху, но не менее коммерчески выгодным явилось детище трех уфимских бизнесменов: Кузнецова И. Ф., Черезова С. К., Одинокова Р. С., учредивших 1 апреля 1925 г., «с вкладочным капиталом ... 10 тысяч рублей, Торгово-промышленное товарищество по заготовке и переработке хлебопродуктов и лесоматериалов. Члены товарищества, сочетая торговлю с производственной деятельностью, «крепко утвердились» в своем бизнесе. Коммерсанты, имея, по экспертным оценкам, «хороший баланс ... с наличием капиталов на 1 декабря [1926 г.] 40–45 тысяч рублей», кроме конторы в Уфе, «содержали» отделения и склады в Стерлитамаке, Иглино, Тавтиманово и Улу-Теляке. Товарищество, заготовив только за один операционный год (1 октября 1925 г. – 1 октября 1926 г.) хлебной продукции и лесоматериалов на 150 тысяч рублей, сумело реализовать их на 420 тысяч рублей. На должном уровне осуществлялось в фирме, как бы сейчас сказали, и финансовое бюджетирование. «Задолженность кредиторам по ссудам на 50 тысяч рублей», из которых 25 тысяч рублей составляли личные средства, взятые перекрестно компаньонами «взаимы» друг у друга, целиком покрывалась «отпущенными займами до 30 тыс. рублей и ... векселями к получению на 10 тысяч рублей» при наличии ликвидных товаров на 75 тысяч рублей [45].

Необходимым действовать с октября 1926 г. сообще посчитали Сухарев Иван Егорович, Ахметов Хаянзян и присоединившийся к ним в мае 1927 года И. Д. Строилов, занявшиеся в Гостином дворе розничной торговлей москательными товарами. С 1922 г. по 1926/1927 гг. каждый из названных «господ» вел бизнес самостоятельно, специализируясь на торговле

«бытовой химией». Коммерсанты, «работая вскладчину», не добились желаемого «обогащения», так как в 1927 г. правительством делалось все возможное, чтобы подобного рода товарищества постоянно имели «финансовые затруднения». Но вопреки объективным трудностям и административно создаваемым на пути нэпманов препятствиям, компаньоны сумели войти в группу крепких середняков, открыв «с вступлением в дело И. Д. Строилова» второй магазин; закупая товары по выгодным для себя ценам в «т-ве Полянского Красного завода, т-вах Шапира Я. И., Вайнберга (Москва), в Башпроме» [46].

Не иначе как ва-банк пошли другие уфимские предприниматели: И. К. Ципкин, Т. Р. Мелешкин и П. Г. Ермаков, зарегистрировавшие в феврале 1927 г. по наивысшему пятому разряду товарищество «Караван» для заготовки и продажи лесоматериалов. На удивление многим, коммерсанты не только не сгнули под налоговым прессом, но сумели, получив в местном ОВК «персональные» кредиты до четырех с половиной тысяч рублей, достигнуть с 1 января по 1 октября 1927 г. оборота в 87 тысяч рублей [47].

Судьба явно благоволила к «крайне осторожному» Андриянову Александру Тимофеевичу, лишь к ноябрю 1927 г. столкнувшемуся с «недостатком средств», а до этого времени с 1922 г., то, расходясь, то опять сходясь, со своим напарником Тихоновым Н. П., оптом торговавшим в Уфе канцелярскими товарами фирмы «Москаль». К осени 1927 г. наконец-то окончательно сплотившиеся компаньоны, закрыли второе полугодие операционного года (1 апреля – 1 октября 1927 г.) с неплохим показателем товарооборота в сорок пять тысяч рублей, который только на пять тысяч рублей оказался меньше, чем в первом полугодии (1 октября 1926 г. – 1 апреля 1927 г.).

Для того чтобы удержаться на плаву, «скуповавший в личной жизни» А. Т. Андриянов, проявлял необычайную изворотливость в поиске доступных кредитов. В банке А. Т. Андриянов сумел договориться о займах «исключительно по учету векселей государственных и кооперативных организаций», в ОВК о получении «дешевой ссуды» до пяти тысяч рублей, в различных организациях о льготном кредитовании «от 25 до 50% от суммы сделки сроком на 30–90 дней» [48].

Пошел по стопам отца – Зыкина Семена Антоновича – его сын – Зыкин Леонид Семенович, получивший для продолжения дела «солидный капитал», заработанный «стариком-отцом» с 1 января 1925 г. по октябрь 1927 г. на торговле москательными товарами в Гостином дворе. Стартовый капитал Зыкина-младшего, намеривавшегося «выбрать патент 4-го разряда, ...исчислялся 16 тысячами рублей». Однако осенью 1927 г. политический климат в стране сильно изменился, так что рассчитывать на безоблачное продолжение семейного бизнеса «крепкому и кредитоспособному» молодому владельцу фирмы не приходилось [49].

К началу 1927 г. в аналогичной ситуации оказался «благополучный владелец», действовавший в Уфе с 1924 г. «кустарной мастерской», Рубинштейн И. Я., занимавшийся вместе с шестью наемными работниками изготовлением «хорошо расходившихся» среди покупателей портфелей, ремней, портпледов, патронташей и прочих кожаных изделий. Производительность мастерской к февралю 1927 г. достигла таких размеров, что сбыт готовой продукции проводился не только в Башреспублике, но и через сеть «коммивояжеров в пределах Урала и Западной Сибири». По отчетным документам, мастерская Рубинштейна И. Я. к 1 февраля 1927

г. имела редко показываемый частниками «годовой оборот дела [в] 40 тыс. рублей». Но чтобы развернуться во всю «бизнес-мощь», владельцу, обеспечивавшему постоянной работой шесть человек, катастрофически не хватало оборотных средств. Не смогла кардинально исправить положение и открытая в местном ОВК кредитная линия в 500 рублей. Для опытного предпринимателя требовалось намного больше наличных средств, но политика Советской власти как раз и была направлена на трудность и практически невозможность их получения, способствуя «плановому удушению» частников [50].

Постарался на закате нэпа не упустить «редкий шанс сколотить на старость капитал» перед очевидно надвигающейся новой бурей, предприниматель с дореволюционных времен Маторин Виталий Моисеевич. Мелкий лотошник, незаметно до лета 1927 г. торговавший в Уфе москательными товарами (химические вещества, краски, клей, техническое масло) «с ларька», в августе 1927 г. неожиданно открывает магазин в Гостином дворе. На самом деле, за личиной скромного торговца, годовой оборот которого до 1927 г. определялся в 10 тыс. рублей, скрывался многоопытный делец с многочисленными связями в Москве, Ленинграде, Одессе, о котором «в местных коммерческих кругах ...отзывались как о довольно состоятельном торговце» [51].

Все приведенные примеры выживания частников и иногда даже поступательного развития их бизнеса в 1926–1927 гг. относились к тем немногим случаям, что являлись исключением из правил в условиях всеобщего затухания эры нэпманов в конце 1920-х гг., безрезультатно сражавшихся за сохранение так тяжело давшегося производственного или торгового детища. Наиболее распространенными в 1928–1929 гг. были истории с трагическим исходом: разорение и тюрьма, если предпринимателю не удавалось вовремя «мирно закрыть» торговый или производственный бизнес.

Среди тех, кто сумел избежать судебного преследования, оказался Кулагин Михаил Федорович. Двух лет вполне хватило «красному купцу», хорошо «наторговавшему» в Гостином дворе изделиями из кожи «с 1 октября 1926 г. по 1 марта 1927 г. ...на сумму около 11 тысяч рублей», чтобы окончательно понять невозможность ведения в стране Советов любого бизнеса. Кулагин М. Ф., дальновидно предполагая репрессивное изъятие «преступно нажитых капиталов», поспешил ликвидировать торговлю, не дожидаясь расправы [52].

Подобру-поздорову решил в октябре 1927 г. избавиться от выгодного бизнеса, когда годовой подоходный налог был только 1400 рублей, известный в Уфе фотограф Орлов Александр Васильевич. Владелец «одного из лучших» в городе еще с дореволюционных времен фотосалонов, снова открывшегося в 1922 г. на престижной улице Егора Сазонова, счел более разумным одновременно расстаться осенью 1927 г. с любимым и доходным делом, передав его «помощникам» [53]. Трудно предположить, что толкнуло на такой шаг преуспевающего владельца фотосалона. Возможно «приятельский совет» кого-либо из партийных чиновников, обслуживаемых мастером, давшего по-свойски понять, что золотое время нэпа заканчивается и расплата за частное предпринимательство не за горами, либо А. В. Орлов сам пришел к выводу, что скоро придет конец «всем буржуям», и заблаговременно вывел себя и свою семью из-под удара.

Набиравшая обороты кампания административного преследования «новоявленных богачей» трагически закончилась для Слицана Гавриила Залмановича,

арестованного в марте 1927 г. «на почве неправильного ведения торговых книг». Слицан Г. З совместно с Порфирьевым Петром Петровичем и Пospelовым Михаилом Александровичем, занимаясь производством суррогатного чая в Уфе, не успел скрыть от реквизиции свое имущество, как это своевременно сделали «подставившие» его под удар налоговых проверок компаньоны. Отчуждение дома и обнаруженного «производственного сырья» оказалось явно недостаточным для покрытия «опротестованных векселей фирмы ...на общую сумму 10766 руб. 38 коп.», за что Г. З. Слицан и поплатился в гордом одиночестве свободой [54].

Плачевно закончилась карьера бизнесмена Минеева Михея Александровича и одного из его компаньонов Сухарева М. Е., ставшего со временем вести дела самостоятельно. За обоими бывшими коммерсантами, находившимися к февралю 1929 г. в бегах, «числилась непогашенная ... задолженность». М. А. Минеев, не дожидаясь ареста по делу о своей задуманной налоговой начислениями фирме, торговавшей москательными товарами, «из Уфы скрылся в ... Сталинград, куда к нему выехали жена и дочь». Башнаркомфин, обвиняя М. А. Минеева в «налоговой задолженности на 786 рублей», выставил на «публичные торги» его имущество, использовав для погашения недоимок «вырученные суммы» [55].

За М. Е. Сухаревым, который осенью 1928 г. «ввиду слабой торговли» дело ликвидировал, числился непогашенный госналог на еще большую, чем у М. А. Минеева, сумму в 1299 рублей. Вслед за налоговиками, свои финансовые претензии на 1200 рублей предъявил М. Е. Сухареву, «не обнаруженному в Уфе ... и по частным сведениям» успевшему распродать все имущество и скрыться от преследования в Москве, Горкомхоз. Хотя циркулировали слухи, что у «Сухарева М. Е. имеются задолженности частным лицам на 600 рублей», кредиторы из негосударственных структур с пониманием восприняв ситуацию, простили предпринимателю его долги [56].

Подобное гуманное отношение коммерсантов к попавшему в беду коллеге было одной из достаточно распространенных форм публичного отставания нэпманами своего бизнеса в хозяйственной структуре советского государства, позволявшего представителям частного капитала осуществлять экономическую взаимопомощь, построенную на принципах «личного доверия» и «честного слова». В отсутствие специального финансового института (идея о создании специализированного Центрального банка Взаимного Кредита для нэпманов реального воплощения не получила) для субсидирования коммерческих фирм и при трудности заимствования средств в банках получило развитие юридически не оформленное денежное кредитование под проценты на договорной основе.

При существовавшей на бытовом уровне системе одалживания денег у знакомых, друзей, родственников или по рекомендации уважаемых в бизнес-сообществе коммерсантов среди нэпманов получило также распространение создание «черной кассы» на трудный день или для не учтенного государством инвестирования денег в текущее развитие дела. Подобная форма документально не упорядоченных взаимоотношений между кредитором и кредитующим во многом была порождена государственной политикой административного сдерживания поступательного развития частного капитала.

Собственники, лишённые возможности под государственным патронажем и вне его бюрократической

регламентации, сдерживающей, а порой и сознательно мешавшей «красным купцам» в полную силу гласно вести свой бизнес, вынуждены были периодически прибегать к «неуставным» источникам получения денег из доступных им ресурсов. Частные торговцы и промышленники, не полагаясь всецело на правительство и его полномочные органы на местах, действуя ради поддержания «общего дела» на началах взаимопомощи, не только материально поддерживали друг друга, но и прощали попавшему в беду предпринимателю его долги (как это случилось с уфимским коммерсантом М. Е. Сухаревым).

Таким образом, на примере конкретной коммерческой деятельности частников в Башкирии можно убедиться, что в короткий период хозяйственной либерализации предприниматели, вопреки всем чинимым административным и налоговым препонам, (открывая порой в конце 1920-х гг. новые фирмы и прикладывая все усилия для их поступательного развития), искренне верили или тайно питали надежду на экономическую дальновидность государства. Однако они жестоко обманулись в своих надеждах, когда правительство, без разбора приравняв к спекулянтам-махинаторам законопослушных и «нечистоплотных коммерсантов» [57], в придачу к облагаемым по сверхзавышенным ставкам подоходному, квартирному, военному, промысловому, рентному налогам и налогу на прибыль обрушило на них в 1927 г. драконовский закон об изъятии сверхприбыли. Государство, объявив о начале борьбы с паразитическими фирмами, занимающимися «спекуляцией», у которых надлежало изымать до 50% полученной прибыли, поставило целью окончательно разорить «расплодившихся нэпманов». Следовательно, последний звонок, прозвеневший в 1927 г. для «красных купцов», означал вступление в завершающуюся фазу кампании по тотальной ликвидации частного предпринимательства в СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шарапов-Антонов Ю. П. Первая «оттепель». Нэповская Россия в 1921–1928 гг.: вопросы идеологии и культуры мышления историка. Москва: Издательский центр Института российской истории РАН, 2006. 365 с.
2. Боева Л. А. «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. Москва: АИРО-XXI, 2009. 205 с.
3. Давыдов А. Ю. Кооператоры советского города в годы нэпа. Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией. СПб.: Алетейя Историческая книга, 2011. 212 с.
4. Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. Москва: АИРО-XXI, 2013. 303 с.
5. Жуков Ю. Н. Обратная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР. 1923–1925 гг. М.: Аква-Терм 2014. 445 с.
6. Hessler J. A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumptions, 1917–1953. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2004. 366 p.
7. Conroy M. The Soviet pharmaceutical business during the first two decades (1917–1937). New York: Peter Lang, 2006. 377 p.
8. Ryan J. Lenin's terror: the ideological origins of early Soviet state violence. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2012. 260 p.
9. Ball A. Russia's last capitalists: the Nepmen, 1921–1929. Berkeley: University of California Press, 1987. 226 p.
10. У. Эньюань. Нэпманы, их характеристика и роль // Отечественная история. 2001. №5. С. 78–87.
11. «Бублики для республики»: исторический профиль нэпманов: монография / Под ред. Р. А. Хазиева. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 224 с.
12. Братющенко Ю. В. НЭП: «кнут» и «пряник» для частника и кооперации (историко-правовой аспект). СПб.: Колосс, 2006. 190 с.

13. Полянская Л. Ю. Нэпманы: правовое и общественное положение в Советской России 1921–1929 гг. // Актуальные проблемы исторической науки: межвуз. сб. науч. трудов молодых ученых. Пенза: 2006. Вып. 3. С. 108–112.
14. Cox R. «NEP without Nepmen!»: Soviet advertising and the transition to socialism // *Everyday life in early Soviet Russia: taking the Revolution inside* / edited by Kiaer C. and Naiman E. Boomington: Indiana University Press, 2006. P. 119–152.
15. Орлов И. Б., Пахомов С. А. «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни. М.: Собрание, 2007. 159 с.
16. Булатов В. В. Власть: «Нэпманский капитал» в отечественной концессионной практике // *Власть: Общественно-политический журнал*. 2008. №12. С. 108–111.
17. Репинецкий А. И. Нэпманы – «новые русские» 1920-х гг. (по материалам Всесоюзной городской переписи населения 1926 г.) // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2009. Т. 11. №6. С. 133–138.
18. Hilton M. *Selling to the masses: retailing in Russia, 1880–1930*. Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 2012. 339 p.
19. Мациевский Н. С. Теневая Россия: истоки, сущность, причины, последствия. Т.1: Происхождение, особенности, временная специфика теневых отношений в современной России. Томск: Изд-во STT 2014. 282 с.
20. Хазиев Р. А. Экономическое развитие периода гражданской войны в Башкортостане. Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1994. 136 с.
21. Демчик Е. В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. 237 с.
22. Колгушова Н. А. Социальный облик нэпманов по архивным материалам Ярославской области (1920-е годы) // *Народ, политика, власть в истории России: межвуз. сб. науч. трудов*. Ярославль: Изд-во Ярославского государственного педагогического университета (ЯГПУ), 2005. Вып. 2. С. 124–133.
23. Хазиев Р. А. Предприятия уральских нэпманов: историко-статистический анализ // *Экономическая история*. Обзорное. М., 2005. Вып. 10. С. 199–203.
24. Хазиева М. А. «Трудовые пчелы нэпа»: предприниматели Урала 1920-х гг. // *Историко-экономические исследования*. 2007. Т.8. №3. С. 104–116.
25. Хазиева М. А. Частное предпринимательство на Урале в эпоху нэпа // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. №41. С. 56–61.
26. Антошкин А. В. Особенности развития торговли Башкортостана в годы Нэпа // *Клио*. 2010. №1. С. 94–99.
27. Бехтерева Л. Н. Частный капитал в сфере производства в Удмуртии (1920-е годы) // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета*. 2012. №4. С. 100–109 и др.
28. В фондах РГАЭ (Ф. 7624) сохранились конфиденциальные досье «Урало-Башкирской конторы АО Кредит-бюро», содержащие разнообразную информацию о представителях частного капитала Башкирии, занимавшихся предпринимательской деятельностью в 1921–1929 гг.
29. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА БР). Ф. 86. Оп. 1. Д. 42. Л. 22.
30. ЦИА БР. Ф. 86. Оп. 1. Д. 42. Л. 22.
31. ЦИА РБ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 42. Л. 22.
32. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 904. Л. 15.
33. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 902. Л. 149–150.
34. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 910. Л. 187.
35. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 911. Л. 110.
36. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 899. Л. 179.
37. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 904. Л. 32.
38. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 908. Л. 93.
39. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 900. Л. 5.
40. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 902. Л. 142–144.
41. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 899. Л. 83.
42. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 909. Л. 13.
43. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 905. Л. 194.
44. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 905. Л. 101.
45. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 905. Л. 203.
46. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 909. Л. 33.
47. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 912. Л. 5.
48. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 899. Л. 32.
49. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 902. Л. 8.
50. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 908. Л. 75.
51. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 906. Л. 174.
52. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 905. Л. 200.
53. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 907. Л. 106.
54. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 910. Л. 104.
55. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 906. Л. 92.
56. РГАЭ. Ф. 7624. Оп. 4. Д. 909. Л. 34.
57. Утверждение нелюбопытного облика нэпманов, состоявших из жулья и не брезговавших «грязными» способами добытия денег, содержа притоны, торгующие наркотиками и занимаясь скупкой краденого имущества, снова становится «новым» трендом у некоторых исследователей. См.: Мациевский Н. С. Теневая Россия: истоки, сущность, причины, последствия. Томск, 2014. Т.1. С. 114–116.

Поступила в редакцию 23.09.2015 г.

**PRIVATE CAPITAL OF BASHKIRIA IN THE ERA OF THE NEP:
“WHAT IT MEANS TO BE A SOVIET LOCAL ENTREPRENEUR”**

© R. A. Khaziev

*Bashkir State University
32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (347) 273 67 78.

Email: khazievra@mail.ru

The article is devoted to the activities of private capital in Bashkiria during the NEP period and it competently reviews many of the basic conclusions not published elsewhere yet. The author analyzes the reasons that forced the Bolsheviks to abandoned “pure Communism”, reversed his system of NEP, that is, decided to support the socialization of the Soviet economic system by permitting individualistic and capitalistic business methods. The functioning of private capital in national province was a key element the correctness of a hypothesis that had never been tested that two economic systems (“pure Communism” and NEP) that in theory are hopelessly divided would in practice prove entirely compatible. On the basis of archival materials exclusively, the author states that private capital sprang up and even flourished under the wing of a bureaucracy, which alternately blew hot and cold, fluctuating between grudging acquiescence to interfering regulation. Gradually the impediments were multiplied, and the private firms had been wiped out of existence either by taxes or by discrimination in the credit furnished by the state banks or in the supplies obtainable only from the state factories. Still it was found that these shackles and limitations were not adequate enough to keep privateers within bounds; harassed though it was at every turn, privateers continued to thrive, and so in 1927 the Soviets launched a policy of wholesale and direct repression of private capital. The Bolsheviks frankly saw in the success attendant on private capital a vital threat to the “socialistic sector” of the Soviet economic system, both present and future.

Keywords: *private capital, trade, business, market, commerce, NEPmen.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Sharapov-Antonov Yu. P. *Pervaya «ottepel'». Nepovskaya Rossiya v 1921–1928 gg.: voprosy ideologii i kul'tury razmyshleniya istorika* [The first “thaw”. NEP in Russia, 1921–1928: issues of ideology and culture, the reflections of a historian]. Moscow: Izdatel'skii tsentr Instituta rossiiskoi istorii RAN, 2006.
2. Boeva L. A. «Osobennaya kasta». VChK-OGPU i ukreplenie kommunisticheskogo rezhima v gody nepa [“A special caste”. The Cheka-OGPU and the strengthening of the communist regime in the years of the NEP]. Moscow: AIRO-XXI, 2009.
3. Davydov A. Yu. *Kooperatory sovet-skogo goroda v gody nepa. Mezhdru «voennym kommunizmom» i sotsialisticheskoi rekonstruktsiei* [Cooperators of soviet city during the years of the NEP. Between the “war communism” and the socialist reconstruction]. Saint Petersburg: Aleteiya Istoricheskaya kniga, 2011.
4. Suvorova L. N. *Nepovskaya mnogoukladnaya ekonomika: mezhdru gosudarstvom i rynkom* [The mixed economy of the NEP: between state and market]. Moscow: AIRO-XXI, 2013.
5. Zhukov Yu. N. *Oborotnaya storona NEPa. Ekonomika i politicheskaya bor'ba v SSSPp. 1923–1925 gg.* [The downside of the NEP. Economy and political struggle in the USSR. 1923–1925]. Moscow: Akva-Term 2014.
6. Hessler J. A. *Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumptions, 1917–1953*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2004 366 r.
7. Conroy M. *The Soviet pharmaceutical business during the first two decades (1917–1937)*. New York: Peter Lang, 2006.
8. Ryan J. *Lenin's terror: the ideological origins of early Soviet state violence*. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2012.
9. Ball A. *Russia's last capitalists: the Nepmen, 1921–1929*. Berkeley: University of California Press, 1987.
10. U. En'yuan'. *Otechestvennaya istoriya*. 2001. No. 5. Pp. 78–87.
11. «Bubliki dlya respublikii»: istoricheskii profil' nepmanov: monografiya [“Bagels for the Republic”: historical profile of NEPmen: monograph]. Ed. R. A. Khazieva. Ufa: RIO BashGU, 2005. 224 c.
12. Bratyushchenko Yu. V. *NEP: «kнут» i «pryanik» dlya chastnika i kooperatsii (istoriko-pravovoi aspekt)* [NEP: the “stick” and “carrot” for private traders and cooperatives (historical-legal aspect)]. Saint Petersburg: Koloss, 2006.
13. Polyanskova L. Yu. *Aktual'nye problemy istoricheskoi nauki: mezhvuz. sb. nauch. trudov molodykh uchenykh*. Penza: 2006. No. 3. Pp. 108–112.
14. Cox R. *Everyday life in early Soviet Russia: taking the Revolution inside / edited by Kiaer C. and Naiman E.* Boomington: Indiana University Press, 2006. Pp. 119–152.
15. Orlov I. B., Pakhomov S. A. «Ryazhenye kapitalisty» na nepovskom prazdnike zhizni [“Mummers capitalists” in the exuberant days of NEP celebration of life]. Moscow: Sobranie, 2007.
16. Bulatov V. V. *Vlast': Obshchenatsional'nyi nauchno-politicheskii zhurnal*. 2008. No. 12. Pp. 108–111.
17. Repinetskii A. I. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 2009. Vol. 11. No. 6. Pp. 133–138.
18. Hilton M. *Selling to the masses: retailing in Russia, 1880–1930*. Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 2012. 339 r.
19. Matsievskii N. S. *Tenevaya Rossiya: istoki, sushchnost', prichiny, posledstviya*. Vol. 1: Proiskhozhdenie, osobennosti, vremennaya spetsifika tenevykh otnoshenii v sovremennoi Rossii [Shadow Russia: the origins, the nature, reasons, consequences. Vol. 1: Origin, characteristics, specificity of shadow relations in modern Russia]. Tomsk: Izd-vo STT 2014.
20. Khaziev R. A. *Ekonomicheskoe razvitie perioda grazhdanskoi voyny v Bashkortostane* [Economic development during the civil war in Bashkortostan]. Ufa: Izd-vo Bashkir. un-ta, 1994.
21. Demchik E. V. *Chastnyi kapital v gorodakh Sibiri v 1920-e gg.: ot vozrozhdeniya k likvidatsii* [Private capital in the cities of Siberia in the 1920s: from revival to elimination]. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 1998.
22. Kogushova N. A. *Narod, politika, vlast' v istorii Rossii: mezhvuz. sb. nauch. trudov*. Yaroslavl': Izd-vo Yaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (YaGPU), 2005. No. 2. Pp. 124–133.
23. Khaziev R. A. *Ekonomicheskaya istoriya*. Obozrenie. Moscow, 2005. No. 10. Pp. 199–203.
24. Khazieva M. A. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. 2007. Vol. 8. No. 3. Pp. 104–116.
25. Khazieva M. A. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. No. 41. Pp. 56–61.
26. Antoshkin A. V. *Klio*. 2010. No. 1. Pp. 94–99.
27. Bekhtereva L. N. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2012. No. 4. Pp. 100–109 i dr.

28. V fondakh RGAE (F. 7624) sokhranilis' konfidentsial'nye dos'e «Uralo-Bashkirskoi kontory AO Kredit-byuro», sodержashchie raznoobraznyuyu informatsiyu o predstavitelyakh chastnogo kapitala Bashkirii, zanimavshikhsya predprinimatel'skoi deyatel'nost'yu v 1921–1929 gg.
29. Tsentral'nyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan (TsIA BR). F. 86. Op. 1. D. 42. L. 22.
30. TsIA BR. F. 86. Op. 1. D. 42. L. 22.
31. TsIA RB. F. 86. Op. 1. D. 42. L. 22.
32. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 904. L. 15.
33. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 902. L. 149–150.
34. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 910. L. 187.
35. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 911. L. 110.
36. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 899. L. 179.
37. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 904. L. 32.
38. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 908. L. 93.
39. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 900. L. 5.
40. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 902. L. 142–144.
41. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 899. L. 83.
42. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 909. L. 13.
43. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 905. L. 194.
44. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 905. L. 101.
45. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 905. L. 203.
46. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 909. L. 33.
47. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 912. L. 5.
48. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 899. L. 32.
49. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 902. L. 8.
50. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 908. L. 75.
51. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 906. L. 174.
52. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 905. L. 200.
53. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 907. L. 106.
54. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 910. L. 104.
55. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 906. L. 92.
56. RGAE. F. 7624. Op. 4. D. 909. L. 34.
57. Utverzhdenie nelitsepriyatnogo oblika nepmanov, sostoyavshikh iz zhul'ya i ne brezgovavshikh «gryaznymi» sposobami dobyvaniya deneg, sodержa pritony, torguya narkotikami i zanimayas' skupkoi kradenogo imushchestva, snova stanovit-sya «novym» trendom u nekotorykh issledovatelei. Sm.: Matsievskii N. S. Tenevaya Rossiya: istoki, sushchnost', prichiny, posledstviya. Tomsk, 2014. Vol. 1. Pp. 114–116.

Received 23.09.2015.